

**Джон
Болл**

Душой ночью
в Каролине

Джон Болл

Душной ночью в Каролине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149261

Аннотация

Джон Болл (1911-1988) – уроженец штата Нью-Йорк, долгие годы служил летчиком, автор 16 романов. Роман `Душной ночью в Каролине`, получивший премию Эдгара По как лучший дебют года, открыл сериал с участием чернокожего детектива Вирджила Тиббса. Тиббса норовят подмять блюстители порядка, те, что постарше чином, только потому, что у него `другой` цвет кожи и он намного талантливей их. Но его опасная кропотливая работа помогает раскрыть преступление и найти убийцу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

ДУШНОЙ НОЧЬЮ В КАРОЛИНЕ Джон БОЛЛ

Глава 1

В два часа пятьдесят минут пополуночи городок Уэллс выглядел безжизненным, вялым и разомлевшим. Чуть ли не каждый из одиннадцати тысяч его жителей беспокойно метался во сне, а тем, кто не мог забыться, оставалось проклинать безветрие, сгущавшее духоту. Плотная и тяжелая, она висела в воздухе, как всегда в августе в Каролине.

Луна скрылась. В деловом квартале резкий свет редких уличных фонарей отгеснял густые ночные тени к запертым магазинам, доживавшему свой век кинотеатру и безмолвной заправочной станции. На перекрестке, где улица под прямым углом перерезала шоссе, в аптеке Саймона продолжал работать кондиционер, и его ровное мурлыканье нарушало ночную тишину. У тротуара напротив стоял патрульный автомобиль, который полиция Уэллса высылала на ночное время.

Сэм Вуд, плотно сжимая в крепких пальцах шариковую ручку, заполнял листок рапорта. Он положил планшетку на ручь и выводил твердые печатные буквы, едва различимые

при тусклом свете, проникавшем в автомобиль. Старательно и аккуратно он занес в свой отчет, что, согласно инструкции, полностью завершил тщательную проверку основного жилого района и нашел все в полном порядке. Сэм ощутил прилив гордости от своей заключительной фразы. Опять, как не раз случалось в последние три года, ритуал составления рапорта заставил его почувствовать, что в ночное время он самый значительный человек в городе, неусыпно бодрствующий на своем нелегком посту.

Покончив с записью, он положил планшетку на соседнее сиденье и вновь взглянул на часы. Было почти три – время выпить чашечку кофе в закусочной на шоссе. Но плотная духота делала мысль о кофе не очень-то приятной – куда лучше глотнуть чего-нибудь холодного. Перекусить сейчас или сперва проехать через Бидонвиль – как теперь называли бедняцкий район? Это была единственная часть еженощных объездов, которую он по-настоящему не любил, но задание должно быть выполнено до конца. Еще раз напомнив себе о значительности своей миссии, Сэм решил чуточку повременить с отдыхом. Он включил мотор и отъехал от бровки тротуара с ловкостью классного водителя.

Автомобиль пересек пустынное шоссе и затрясся по неровной мостовой широко разбросанного негритянского квартала. Сэм все время держал ногу на тормозе, памятуя о той ночи, несколько месяцев назад, когда он не заметил спящую собаку. Она расположилась посреди дороги, и Сэм уви-

дел ее слишком поздно. Все вновь ожило перед ним: он сидит на корточках, поддерживая голову животного, и смотрит в доверчивые потрясенные глаза, полные боли и мольбы. Потом Сэм увидел, что наступила смерть, и, хотя часто бывал на охоте и вообще считался скупым на слезу, тут у него просто душа разрывалась от жалости и горького чувства вины.

Не сводя глаз с дороги, объезжая глубокие выбоины и остерегаясь собак, Сэм сделал короткий круг по негритянскому кварталу, притормозил машину на тряском железнодорожном переезде и поехал вверх по улице, с обеих сторон зажатой старыми уродливыми домами, кое-как сколоченными из некрашенных досок. Это были обиталища "белого отребья" – тех, у кого нет ни надежд, ни денег, а то даже и стремления выбраться на поверхность. Сэм лавировал, сосредоточенно объезжая выбоины. Затем, подняв глаза, в половине квартала перед собой он увидел желтый скошенный прямоугольник окна, – скорее всего, свет шел от дома Парди.

В такой час свет мог означать и расстройство желудка, и что угодно еще. Сэм презирал людей, которые не прочь заглянуть ночью в чужое окно, но полицейский при исполнении служебных обязанностей – это другое дело. Бесшумно и ловко, стараясь никого зря не потревожить, он подвел автомобиль вплотную к тротуару и поехал еще медленнее, чтобы разобраться, по какой причине у Парди горит свет на кухне в начале четвертого ночи... хотя, как ему думалось, он знает и без того.

Кухню освещала голая стосвечовая лампочка, болтавшаяся на проводе. Тонкие от ветхости кружевные занавески безжизненно и неподвижно свисали в открытом окне, совершенно не скрывая происходящего на кухне. А там, прямо на самом виду, спиной к нему стояла Делорес Парди. И как уже дважды случилось за последние недели, она предстала перед ним без рубашки.

В тот самый момент, когда патрульная машина поравнялась с окном, Делорес сняла с плиты маленькую кастрюльку, наклонила ее и стала наполнять чашку. Юные груди и приятные округлости бедер шестнадцатилетней девушки оказались прямо перед глазами Сэма. Однако в Делорес чувствовалось что-то такое, что отталкивало его, обнаженное тело девушки не вызывало у него волнения. Причиной этого была ее какая-то вечная неумытость, во всяком случае, Делорес производила на него такое впечатление. Когда Сэм увидел, что девушка подносит к губам чашку с кофе, ему стало ясно – тут нет и намека на расстройство желудка, и он отвел глаза в сторону. Сэм хотел было постучать и предупредить, что ее видно с улицы, но решил этого не делать: стук в такое время мог разбудить детей, которых в семействе Парди было полным-полно. Ну а кроме того, не пойдет же Делорес открывать дверь неодетой. Сэм повернул за угол и поехал к шоссе.

Хотя других автомобилей не было и в помине, Сэм остановился у перекрестка и только потом повернул к городу. Он разгонял машину, пока горячий воздух, врывающийся в

открытое окно, не создал иллюзию ветерка. Три минуты – до самой окраины – Сэм ехал, не сбавляя скорости. Въезжая в город, он сбросил газ и плавно завернул на стоянку возле ночной закусочной. Очень легко для такого крупного человека он вылез из машины и направился к двери.

В закусочной было еще более жарко и душно. Посреди комнаты возвышалась полукруглая стойка, покрытая потертым пластиком. Места за столиками, отделенными друг от друга перегородками из твердой многослойной фанеры, не располагали долго засиживаться или искать особого уединения. Рассчитанный совсем на другое помещение, вентилятор выталкивал слабую струю прохладного воздуха, бесследно исчезавшую в нескольких дюймах от отдушины. Стены, некогда обитые деревянными панелями, покрывала белая краска, с годами она пожелтела. На потолке красовалось черное жирное пятно – вечный памятник тысячам поспешно приготовленных блюд, проглоченных на ходу и тут же забытых.

Ночным барменом в закусочной работал худой девятнадцатилетний парень с чересчур длинными руками, которые высывались из манжет засаленной рубашки, словно вытянутые каким-то дьявольским механизмом. Его острую, невероятно тощую физиономию усеивали прыщи, нижняя губа слегка отвисала, и было не понять, то ли это знак брезгливого пренебрежения к людям, то ли он попросту слабомысленный. Когда Сэм вошел, он стоял за стойкой, опираясь на

локти и сложившись пополам, и, казалось, был полностью поглощен комиксом.

При появлении блюстителя порядка он мигом смел комикс со стойки и расправил узкие плечи, готовый предложить свои услуги и свое общество стражу спящего города. Когда Сэм взобрался у стойки на один из трех стульев с уцелевшей обивкой, бармен потянулся к толстым кофейным чашкам.

– Только не кофе, Ральф, и без того жарко, – остановил его Сэм. – Лучше дай кока-колы. – Он снял форменную фуражку и правой рукой вытер лоб.

Парень схватил шейкер, набитый колотым льдом, откупорил бутылку и наполнил стакан жидкостью с пеной.

Когда пена осела, Сэм опустошил стакан, поболтал остатками льда и спросил:

– Кто выиграл вчера вечером?

– Риччи, – немедленно отозвался бармен. – Судьи разделились. У него пока остаются шансы на титул.

Сэм наполнил стакан и вновь разом осушил его, перед тем как продолжить разговор.

– Это хорошо, что Риччи выиграл. Мне не очень-то по душе итальянцы, но тут все-таки белый может стать чемпионом.

Бармен кивнул с живейшим одобрением.

– Сейчас у нас в чемпионах шесть черных – от полусреднего до тяжелого веса. Не понимаю, как им удается так здо-

рово драться. – Он надавил руками на стойку и растопырил костлявые пальцы в тщетной попытке заставить их казаться сильными и могучими; потом перевел взгляд на мощные кисти полицейского и задумался, будут ли и у него когда-нибудь вот такие ручищи?

Сэм взял последний кусок торта, сиротливо лежавший на стойке под прозрачным пластиковым колпаком.

– Они не ощущают ударов, как вот мы с тобой, – объяснил он. – У них совсем другая нервная система. Они вроде животных: чтобы сбить их с ног, приходится хрястнуть топором по голове, вот и все. Потому-то они и выигрывают, потому-то и лезут на ринг без всякого страха.

Ральф кивнул; блеск его глаз говорил, что Сэм подвел черту под этой проблемой. Он поправил пластиковый колпак.

– Мантоли появился в городе вчера вечером. И дочку с собой привез. Настоящая красотка, говорят.

– Я думал, ему нечего тут делать до первого числа.

Бармен подался вперед и обтер стойку выцветшей мокрой тряпкой.

– Построить эстраду оказалось дороже, чем они воображали. Теперь он думают накинуть цену на билеты, чтобы вовремя рассчитаться с долгами. Говорят, Мантоли прикатил помочь им прикинуть, сколько публика согласится выложить.

Сэм перелил в стакан остатки кока-колы.

– Не знаю, – заметил он. – Эта затея может пройти как по

маслу, а может и с треском провалиться. Я, правда, не разбираюсь в классической музыке, но все же не могу представить, что люди кинутся сюда толпами только для того, чтобы послушать, как дирижирует Мантоли. Понятно, это симфонический оркестр и все такое, но те, кому нравятся подобные штуки, могут слушать всякие там оркестры всю зиму, не приезжая сюда, чтобы посидеть на бревнах. А если еще и дожди зарядят! – Он залпом осушил стакан и взглянул на часы.

– А, да что об этом, – согласился Ральф. – Мне наплевать на чью-то там музыку, а уж на этого длинноволосого и недавно. Но я скажу, если из-за нее у нас есть шанс попасть в путеводители, как нам обещают, и привлечь туристов с деньгами, может, это заставит привести в порядок весь этот свинарник и мы заживем малость получше. – Сэм поднялся.

– Сколько с меня? – спросил он.

– Пятнадцать центов. Пирожное бесплатно – это было последнее. Доброй вам ночи, мистер Вуд.

Сэм положил на стойку четверть доллара и повернул к выходу. Как-то раз бармен осмелился назвать его по имени. Он взглянул на него с холодным неодобрением, и это сделало свое дело. Теперь тот всегда говорил ему "мистер Вуд" и в точности так, как Сэму хотелось. Он снова забрался в машину и коротко доложил по радио обстановку, прежде чем возвратиться по шоссе в город. Готовясь к монотонному одиночеству, которое сулил остаток ночи, Сэм поудобней устроился на сиденье.

Машина набирала скорость, и ночной воздух встречал ее плотной подушкой. Впервые с начала дежурства Сэм позволил себе обругать давящую духоту, которая обещала знойный день. А значит, и завтрашняя ночь будет душной, и следующая, может быть, тоже. Въезжая на центральные улицы, Сэм притормозил. Вокруг было все так же пустынно, но он по привычке медленно пересек небольшой деловой центр. Мысль о Делорес Парди вновь пришла ему в голову. Она выскочит замуж совсем молоденькой, подумалось Сэму, и кто-то получит кучу удовольствия, завалившись с ней в сено. И в этот момент он увидел за квартал впереди какой-то предмет прямо посреди дороги.

Сэм нажал на газ, и машина рванулась вперед. В световой дорожке от четырех фар непонятный предмет становился все больше, пока Сэм не затормозил посреди дороги в нескольких футах; теперь он мог разглядеть – это был человек, распростертый на мостовой.

Сэм включил красную полицейскую мигалку и стремительно выскочил из машины. Прежде чем наклониться над лежащим, он быстро огляделся, готовый ко всяким неожиданностям; рука его лежала на кобуре пистолета 38-го калибра. Он ничего не увидел, кроме безмолвных домов и пустынной бетонной мостовой. Мгновенно успокоившись, Сэм опустился на колени возле распростертого человека.

Тот лежал на животе, обхватив голову руками, ноги раскинуты, правая щека прижата к шершавому стертому бето-

ну. У него были необычно длинные волосы, завивавшиеся на шее от постоянного прикосновения воротника. Валявшаяся рядом, в пяти или шести футах, трость с серебряным набалдашником выглядела странно беспомощной на грубом шоссейном полотне.

Сэм подsunул левую руку под распростертого человека и постарался нащупать сердце. Несмотря на изнурительную духоту, на неизвестном был плотно застегнутый жилет, и через него Сэм не мог уловить никаких признаков жизни. Тогда он попытался припомнить, что ему доводилось читать о предполагаемой смерти при несчастных случаях. У Сэма не было никакой специальной подготовки – его попросту зачислили в состав городской полиции и отправили исполнять новые обязанности, лишь накануне сообщив, в чем они заключаются. Но согласно полученным предписаниям, он уже самостоятельно ознакомился со сводами законов графства и штата и проштудировал два или три учебника, отыскавшиеся в небольшом здании полицейского управления. У Сэма была хорошая память, и сведения, которые он тогда почерпнул, вернулись к нему теперь, в момент крайней необходимости.

"Пока факт смерти не будет подтвержден врачом, не следует считать пострадавшего мертвым – он может находиться в обмороке, быть оглушенным или потерять сознание по какому-либо иным причинам. Так, лица, получившие большую дозу инсулина, часто ошибочно принимаются за умерших, и

бывали случаи, когда они приходили в себя уже в морге. При отсутствии особенно тяжких увечий, скажем, ампутации головы, следует считать, что пострадавший жив, то есть в любых случаях, когда не затронуты жизненно важные центры, при поражении которых дальнейшее функционирование организма не представляется возможным".

Сэм торопливо вернулся к машине и схватил микрофон. Как только на его вызов откликнулись, он заговорил быстро и просто – сейчас было не до того, чтобы подбирать официальные выражения.

– Приблизительно на углу Пайни-стрит и шоссе посреди дороги лежит человек, похоже, что мертвый. Вокруг никого, и ни одной машины не было за несколько последних минут. Немедленно выезжайте и высылайте "скорую".

На мгновение остановившись, Сэм подумал, правильно ли он все изложил? Он впервые столкнулся с таким случаем и хотел бы вести себя должным образом. Голос дежурного диспетчера оторвал его от этих мыслей:

– Оставайся на месте. Личность пострадавшего установлена?

Сэм мгновенно прикинул.

– Нет, еще нет, – ответил он. – Насколько помнится, я никогда раньше не встречал этого человека. Но, по-моему, я знаю, кто он такой. У него длинные волосы, он в жилете и с тростью. Маленького роста – не больше пяти футов пяти дюймов.

– Это Мантоли! – воскликнул диспетчер. – Дирижер. Главный во всей этой затее с фестивалем. Если это он и действительно мертвый, может выйти страшная неприятность. Повторяю, оставайся на месте.

Сэм положил микрофон и поспешил к распростертому телу. До больницы было всего девять кварталов, значит, "скорая помощь" должна появиться через каких-нибудь пять минут. Сэм вновь склонился над упавшим, и перед ним мелькнуло видение сбитой собаки, но то, что он видел сейчас, было бесконечно хуже.

Сэм протянул руку и очень осторожно приложил ее к затылку человека, словно мог успокоить его этим прикосновением и сказать, что помощь уже близка, что ему осталось лежать на грубом бетоне всего две-три минуты, да к тому же не в одиночестве. Пока эти мысли проносились в голове Сэма, он почувствовал, как что-то густое и липкое медленно стекает по его пальцам. Резким произвольным движением он отдернул руку. Жалость, которую он только что испытывал, исчезла в багровой волне нарастающего гнева.

Глава 2

В четыре минуты пятого Билла Гиллспи, начальника городской полиции Уэллса, разбудил телефонный звонок. Гиллспи понадобилось несколько секунд, чтобы встряхнуться и хоть как-то прийти в себя. Протягивая руку к телефону, он уже знал, что случилось несчастье, и, возможно, большое, иначе бы обошлись без него. В трубке звучал голос дежурного:

– Шеф, мне очень жаль, что приходится вас будить, но, если Сэм Вуд не ошибается, произошло убийство с отягчающими обстоятельствами.

Гиллспи заставил себя сесть и спустить ноги с кровати.

– Какой-нибудь турист?

– Нет, не совсем. Сэм вроде бы опознал его, похоже, это Энрико Мантоли, ну, знаете, тот самый, кто собирался провести здесь музыкальный фестиваль. Понимаете, шеф, пока еще нет уверенности, кто этот человек мертв, но если это так и Сэм не ошибся, то кто-то пристукнул нашу здешнюю знаменитость и вся эта музыкально-фестивальная затея летит к чертям.

Теперь Билл Гиллспи окончательно проснулся. Он машинально возил по полу ногами в поисках домашних туфель и знал, что от него ждут распоряжений. Курс профессионального обучения, пройденный еще в Техасе, подсказал ему

нужные слова.

– Хорошо, слушай. Я выезжаю немедленно. Сразу же пошли врача, "скорую", фотографа и разыщи пару понятых. Вуд пусть остается на месте, пока я не прибуду. Действуйте согласно инструкции, ясно?

Дежурный, которому никогда не приходилось иметь дело с убийством, ответил, что ясно. Едва положив трубку, Гиллспи распрямился во все свои шесть футов четыре дюйма и принялся натягивать одежду, торопливо обдумывая, что ему делать, когда он прибудет на место происшествия. Прошло всего девять недель, как он стал начальником полиции и жителем Уэллса, и вот ему представился случай показать себя. Нагнувшись и возясь со шнурками, он подумал, что сделает все, как надо, но лучше бы ничего этого не случилось.

Хотя Биллу Гиллспи исполнилось всего тридцать два года, он обладал непоколебимой уверенностью в том, что способен справиться с любым брошенным ему вызовом. Рост позволял Биллу буквально смотреть сверху вниз почти на каждого встречного. А напористость, отпугнувшая девушку, на которой он собирался жениться, сметала большинство обычных препятствий, словно их никогда и не возникало. Раз ему в руки попало дело об убийстве, Гиллспи доведет его до конца, и никто не посмеет усомниться в этом.

Тут Гиллспи вспомнил, что ему не сообщили, где именно произошло убийство. Он сердито сорвал трубку и второпях ошибся номером. Раньше чем кто-нибудь подошел к те-

лефону, он бросил трубку на рычаг и, заставляя себя быть спокойным, вновь набрал номер.

Ждавший его звонка дежурный отозвался немедленно.

– Где все это? – требовательно спросил Гиллспи.

– На шоссе, шеф, чуть-чуть за Пайни. "Скорая" уже на месте, и врач подтвердил факт смерти. Личность пока что окончательно не установлена.

– Понятно, – коротко сказал шеф и бросил трубку. Перезванивать и выяснять, куда ехать, Гиллспи было не по душе. Должны сразу сообщать, где что случилось.

Машина Гиллспи была оборудована сиреной, красной полицейской мигалкой и радиоустановкой. Он прыгнул в нее, резко нажал на стартер, рывком отъехал от тротуара и включил полный газ, не обращая внимания на то, что мотор еще не прогрелся. Не прошло и пяти минут, как он увидел стоящий полицейский автомобиль, "скорую помощь" и небольшую группу людей посреди шоссе. Стремительно подкатив, Гиллспи нажал на тормоз и выскочил из машины, прежде чем она успела полностью остановиться.

Пока ни к кому не обращаясь, размашистыми шагами он подошел к распростертому телу, опустил на корточки и стал быстро обыскивать пострадавшего.

– А бумажника нет? – спросил он. Для ответа вперед выступил Сэм Вуд.

– Нет. По крайней мере, на теле я его не обнаружил.

– Личность установлена? – выпалил Гиллспи.

Ответил молодой врач "скорой помощи":

– Это Энрико Мантоли, дирижер. Он был главной пружиной в музыкальном фестивале, который тут намечался.

– Знаю, – отрывисто произнес Гиллспи и вновь переключил внимание на тело. Он испытывал сильное желание приказать лежащему человеку сесть, стереть грязь с лица и сообщить ему, что случилось и кто во всем виноват. Но это был единственный из присутствующих, который ему не подчинялся. Ну что же, тогда придется идти другим путем. Гиллспи поднял глаза.

– Сэм, возьми свою машину, поезжай на вокзал, а потом проверь северный выезд из города – может, какой-нибудь сумасшедший попробует выбраться на попутных с той стороны. Подожди-ка минутку. – Он быстро повернул голову к врачу:

– Давно он мертв?

– Меньше часа, я бы даже сказал, меньше сорока пяти минут. Кто бы это ни сделал, ему не удалось уйти слишком далеко.

Нескрываемое раздражение появилось на лице Гиллспи.

– Все, о чем я вас спрашиваю, – давно ли этот человек мертв, а дальше я уж как-нибудь обойдусь без ваших советов. Итак, сделать фотографии тела со всех точек, разными планами, чтобы в кадр попадал тротуар и дома на восточной стороне улицы. Дальше: очертить положение тела мелом и выставить указатели для объезда. После этого тело можно

убрать. – Он выпрямился и увидел Сэма, безмятежно стоявшего рядом. – Я что тебе приказал?

– Подождать минуту, – спокойно ответил Сэм.

– Ну ладно, можешь отправляться. Действуй.

Сэм быстро зашагал к патрульному автомобилю и отъехал со скоростью, достаточной, чтобы избежать возможных замечаний. По дороге на железнодорожную станцию он позволил себе слегка помечтать, чтобы Гиллспи как-нибудь выставил себя дураком и завалил дело. Но тут же к нему пришло понимание, что подобные мысли вовсе не к лицу блюстителю порядка, присягнувшему на служение обществу, и он решил: что бы там ни было, его часть работы будет выполнена четко и быстро.

Приближаясь к безмолвному вокзалу, он сбавил скорость, чтобы не спугнуть убийцу, возможно притаившегося внутри. Сэм подъехал вплотную к деревянной платформе и без колебаний вылез из машины. Маленький вокзал, выстроенный по крайней мере полвека назад, был тускло освещен несколькими запыленными лампами, которые казались такими же древними, как истертые жесткие скамьи и твердые плитки кафельного пола. Стремительно шагнув за порог зала для белых, Сэм почувствовал внезапное желание ослабить ремешок форменной фуражки. Но тут же подавил это чувство и вошел в здание вокзала с ног до головы полицейским – с правой рукой на кобуре пистолета. В зале ожидания было пусто.

Сэм быстро втянул воздух и не ощутил ничего, что поз-

воляло бы предположить, будто здесь кто-то недавно находился. Ни намека на свежий дым сигареты – лишь запах, типичный для таких вокзалов, обычная улика, оставленная тысячами безымянных людей, прошедших сквозь эти двери и уехавших дальше.

Окошечко билетной кассы было закрыто. С внутренней стороны стекла висела квадратная картонка с расписанием ночных поездов, неуклюже выведенным цветным карандашом. Сэм еще раз внимательно осмотрел помещение. Если убийца и здесь, у него, наверное, нет пистолета. Того он убил, ударив по затылку каким-то тупым предметом, а такого оружия Сэм не боялся. Он нагнулся и осмотрел узкий промежуток между скамьями. Кроме грязи и клочков газетной бумаги, там ничего не было.

Сэм пересек зал ожидания и, толкнув дверь на платформу, выглянул направо, потом налево. Платформа тоже была пуста. Твердыми, решительными шагами Сэм миновал запертую камеру хранения – он толкнулся в нее на ходу и убедился в этом – и приостановился перед грязной дверью с белой деревянной табличкой наверху: "Для цветных". Вновь положив правую руку на пистолет, Сэм ворвался в тускло освещенную комнату, и у него перехватило дыхание. Там кто-то был.

Сэм смерил неизвестного быстрым взглядом и сразу понял, что тот нездешний. Он был довольно строен и одет по-городскому, даже в белой рубашке и при галстуке. Сэму по-

казалось, что ему около тридцати, но о возрасте черных никогда нельзя сказать с уверенностью. Вместо того чтобы растянуться на скамье и спать, он сидел прямо, словно чего-то ожидая. Аккуратно сложенный пиджак лежал рядом с ним. Он читал книжку в дешевой бумажной обложке и при появлении Сэма поднял голову; Сэм не увидел на его лице расплуснутого носа и толстых, мясистых губ, типичных для большинства здешних южных рабочих. Нос у него был почти как у белого, и линия рта смотрелась прямо и строго. Будь он немного посветлее, Сэм мог бы принять его за белого.

Забыв про свою книжку, незнакомец уронил ее на колени и взглянул в широкое лицо Сэма.

Сэм не дал ему опомниться.

– А ну встать, черномазый! – приказал он и несколькими стремительными шагами пересек разделявшее их пространство.

Негр потянулся к своему пиджаку.

– Не смей! – Сэм ударил его по руке и рывком развернул противника. В следующее мгновение подбородок негра был прижат к локтю Сэма, и теперь неизвестный был в полной его власти. Свободной рукой Сэм быстро обыскал своего пленника; тот казался слишком напуганным, чтобы сопротивляться. Завершив операцию, Сэм ослабил руку на горле неизвестного.

– Повернись. Подними лапы и обопрись о стену. Руки не опускать и не двигаться без приказаний.

Негр молча повиновался. Сэм поднял со скамьи пиджак и похлопал по внутреннему карману. Там был бумажник, к тому же необычно пухлый на ощупь.

С каким-то странным покалыванием в груди Сэм вынул его и заглянул внутрь. Бумажник был набит деньгами. Сэм провел большим пальцем по краешкам банкнот – в основном, это были десятки и двадцатки. Сэм остановился на длинной узкой бумажке в пятьдесят долларов, он был полностью удовлетворен. Он захлопнул бумажник и опустил его в свой карман. Задержанный не шевелился – ступни ног в стороне от стены, туловище наклонено вперед, весь упор на вытянутые руки. Сэм вновь внимательно оглядел его, теперь уже сзади. Что-то около ста пятидесяти фунтов, может, чуть тяжелее, но ненамного. Пять футов и девять дюймов – достаточно высок, чтобы справиться с тем делом. Брюки еще держали складку, значит, костюм не так давно гладили. Когда Сэм охлопывал негра в поисках оружия, его ладонь ощутила крепкое, налитое тело.

Сэм перекинул пиджак через руку.

– Шагай в дверь налево, – приказал он. – У платформы стоит полицейская машина. Влезешь на заднее сиденье и закроешь дверцу. Одно лишнее движение – и ты поедешь с пулей в позвоночнике. Теперь ступай.

Негр повернулся, куда было приказано, спустился с платформы и послушно забрался на заднее сиденье поджидавшего автомобиля. Он хлопнул дверцей не сильнее, чем было

нужно, чтобы она надежно закрылась, и устроился на сиденье. Ни одного движения сверх того, что ему было предписано.

Сэм уселся за руль. С внутренней стороны дверцы в патрульной машине не было ручек, и Сэм прекрасно знал, что задержанному не убежать. На секунду ему вспомнилось, как был убит Мантоли: предположительно ударом по затылку, и, скорее всего, это сделал тот самый человек, который сидит сзади. Но Сэм тут же успокоился – ведь на заднем сиденье не было ничего такого, чем негр мог воспользоваться как оружием, а нападения голыми руками бояться не стоит. Пожалуй, это будет выглядеть даже еще лучше – схватка с задержанным, за исход которой, кстати, нечего опасаться.

Сэм поднял микрофон и сдержанно произнес:

– Говорит Вуд, от железнодорожной станции. Задержал подозрительного цветного, возвращаюсь в полицию. – Он умолк на мгновение, подумал и решил ничего не добавлять. С остальным можно подождать до участка. Служебная тайна есть служебная тайна.

Пока Сэм с заправской плавностью вел машину к полиции, задержанный не издал ни звука. У подъезда их ждали двое, но Сэм, уверенный в своих способностях препроводить арестованного без посторонней помощи, махнул рукой, чтобы они не вмешивались. Нарочито медленно он выбрался из машины, обогнул ее и распахнул заднюю дверцу.

– Выходи, – приказал он.

Негр вылез и ни капли не сопротивлялся, когда Сэм ухватил его пониже плеча и повел в участок. Сэм держался точно на картинке в прочитанных им учебниках, как его и обязывала важность происходящего. Крепкой левой рукой он придерживал арестованного, а правая, готовая к любым неожиданностям, покоилась на пистолете. Он даже пожалел, что некому запечатлеть этот момент, но тут же опомнился – нельзя забывать о своем личном и служебном достоинстве.

Сэм повернул было за угол, к камерам, но тут его перехватил дежурный и молча показал на кабинет Гиллспи. Сэм кивнул, подвел задержанного к двери и постучал.

– Войдите, – донесся резкий голос.

Свободной рукой Сэм повернул дверную ручку, затем толкнул арестованного в кабинет и остановился в ожидании перед столом шефа. Гиллспи делал вид, будто занят разложенными перед ним бумагами. Наконец он положил карандаш на стол и тяжелым взглядом почти полминуты смотрел на арестованного. Ответной реакции Сэму не было видно, а повернуть голову и посмотреть он не решился из боязни помешать психологическому воздействию.

– Имя? – неожиданно выпалил Гиллспи. Вопрос слетел с его губ с внезапностью выстрела.

Негр заговорил в первый раз за все время, и, к удивлению Сэма, ровным, размеренным голосом.

– Меня зовут Тиббс, Вирджил Тиббс, – ответил он и продолжал стоять, сохраняя безмятежное спокойствие.

Сэм ослабил хватку на руке арестованного, но тот и не попытался опуститься на свободный стул, который стоял рядом.

– Что ты делал на станции? – На сей раз вопрос прозвучал не так взрывчато. Тон негра не изменился.

– Я дожидался поезда пять семнадцать на Вашингтон.

Повторилась немая сцена: Сэм не шевелился, Гиллспи сохранял полную неподвижность в своем кресле, арестованный не делал никаких попыток что-нибудь предпринять.

– А откуда ты взялся? – Теперь голос Гиллспи был обманчиво мягким и кротким.

– Я приехал поездом двенадцать тридцать пять. Он опоздал на сорок пять минут.

– Что еще за поезд двенадцать тридцать пять? – сорвался Гиллспи.

В голосе задержанного не изменилось ни единой нотки.

– Местный. С Юга.

Сэму невольно подумалось, что этот черный из образованных, вроде тех, которые слоняются по зданию Объединенных Наций в Нью-Йорке, как показывают в кинохронике. В таком случае Гиллспи придется повозиться.

Чтобы не выдать себя улыбкой, Сэм стиснул зубы и крепко сжал рот.

– Что ты делал на Юге?

– Ездил навестить мать.

Перед следующим вопросом Гиллспи выдержал паузу.

Должно быть, готовится что-то важное, решил Сэм, и Гиллспи намеренно выжидает, чтобы усилить воздействие.

– Откуда у тебя деньги на проезд?

Прежде чем арестованный успел ответить, Сэм ожил. Он вытащил из кармана бумажник негра и передал Гиллспи. Шеф быстро заглянул в него и с силой хлопнул бумажником по столу.

– Где ты взял столько монет? – спросил он и приподнялся в кресле, чтобы арестованный мог оценить его рост.

– Заработал, – ответил негр.

Удовлетворенный, Гиллспи шлепнулся обратно в кресло. Таких денег цветному не заработать, а уж тем более не сбережь, ему-то это прекрасно известно. Приговор был произнесен, груз упал с его плеч.

– Где же ты работаешь? – осведомился он таким тоном, что Сэму стало ясно: шеф уже собрался домой, в постельку.

– Я работаю в Калифорнии, в Пасадене.

Билл Гиллспи позволил себе мрачно улыбнуться. Две тысячи миль для большинства людей – дальняя дорога, а уж для цветного и подавно. Достаточно дальняя, чтобы им показалось, будто можно врать, не боясь проверки.

Билл перегнулся через стол, как бы собираясь вогнуть последний шар в самую лузу.

– И чем это ты занимаешься в Пасадене, что гребешь эдакие деньги?

Арестованный ответил в ту же секунду.

– Служу в полиции, – сказал он.

Глава 3

Вообще говоря, Сэм Вуд недолюбливал негров, по крайней мере в непосредственном общении. И когда неожиданно ощутил прилив восхищения стоящим рядом с ним стройным человеком, это на какое-то мгновение его смутило. Но Сэм был спортсменом в душе, и его не могло не обрадовать, что кто-то, кем бы он там ни был, с успехом противостоит новому шефу городской полиции.

До появления Гиллспи Сэм Вуд считался в Уэллсе видным мужчиной, но башенноподобный рост Билла автоматически низвел его до статуса нормального человека. Новый начальник был старше всего на три года, – слишком молод, думал Сэм, для такой службы, даже и в маленьком городке вроде Уэллса. Вдобавок Гиллспи прикатил из Техаса, а к этому штату Сэм не испытывал особой привязанности. Но больше всего, признаться, Сэма коробила жесткая, пренебрежительная и настырная манера Гиллспи. И Сэм пришел к выводу: дело не в том, будто он испытывает симпатию к негру, просто он глубоко удовлетворен, видя Гиллспи в таком глухом тупике. Он не успел продолжить свои мысли, как Гиллспи обратил взгляд к нему.

– Вы вообще-то допросили этого человека, прежде чем доставить его сюда? – спросил Гиллспи.

– Нет, сэр, – ответил Сэм. Это "сэр" застряло у него в гор-

ле.

– Почему? – рывкнул Гиллспи, и Сэму показалось, что вопрос прозвучал намеренно оскорбительно. Но если уж негр мог не терять самообладания, он сумеет не хуже, решил Сэм. Поразмыслив секунду, он ответил со всем спокойствием, на какое был способен:

– Вы приказали мне осмотреть станцию и шоссе и задержать всех подозрительных. Обнаружив этого чер... этого человека на вокзале, я немедленно доставил его, чтобы выполнить ваши приказания. Теперь я могу идти?

Сэм гордился собой. Он знал, что не мастак говорить, но эта речь ему удалась.

– Сперва я хочу покончить с опросом, – Гиллспи перевел взгляд на Тиббса. – Так, говоришь, ты полицейский из Калифорнии?

– Да, – подтвердил Тиббс, все еще терпеливо стоя возле свободного стула.

– Как ты это докажешь?

– В бумажнике есть удостоверение.

Гиллспи взял со стола бумажник, будто это было что-то омерзительное и испачканное в грязи. Он открыл отделение для документов, тяжелым взглядом уставился на маленькую белую карточку, вправленную в пластик, захлопнул бумажник и небрежно швырнул его на стол молодому негру. Тиббс взял бумажник и спокойно сунул в карман.

– Чем ты занимался, с тех пор как приехал? – Теперь в

тоне Гиллспи чувствовалось раздражение. Это был голос человека, готового к ссоре и подбивающего противника принять вызов.

– Сойдя с поезда, я вошел в вокзал и ждал там. Я не покидал станции. – В манере Тиббса было все то же неизменное спокойствие, что, очевидно, и раздражало Гиллспи.

Он резко повернул разговор:

– Тебе ведь известно, что мы бы здесь не позволили таким, как ты, лезть в полицейские, а?

Он подождал ответа, но в комнате по-прежнему царил молчание.

– У тебя хватило ума обойти зал для белых. Значит, кое-что тебе все-таки было известно? – Гиллспи уперся в стол своими огромными руками, словно собираясь привстать.

– Да, кое-что мне было известно.

Гиллспи принял решение.

– Хорошо, подожди где-нибудь там. Мне нужно навести о тебе справки. Присмотри за ним, Сэм.

Не проронив ни звука, Сэм Вуд повернулся кругом и вслед за Вирджилом Тиббсом вышел из комнаты. В другой ситуации он бы не позволил черному пройти в дверь первым, но, хотя негр и не подождал, чтобы пропустить его, Сэм решил, что сейчас неподходящее время заводитьсь по этому поводу. Едва они вышли, Гиллспи поднял здоровенный кулак и от души хлопнул по столу. Затем сорвал телефонную трубку и продиктовал депешу в полицейское управление Па-

садены.

В маленькой предварилке Сэм указал задержанному на жесткую скамью. Тиббс поблагодарил, уселся, вытащил книжку, что была у него на вокзале, и вернулся к чтению. Сэм бросил взгляд на обложку: Конант. "Естественные науки – что это такое?" Сэм в свою очередь уселся и пожалел, что ему нечего почитать.

Когда стекло окна стало серым и в глубине неба, затеплившегося светом, обрисовались высокие облака, проплывавшие странными грязными полосками, Сэм понял, что в эту ночь ему больше не придется выезжать на патрулирование. От жесткой скамьи ломило тело. Несмотря на жару, хотелось выпить чашечку кофе, хотелось просто подвигаться. Он заколебался – может, все-таки встать, потянуться, и пусть со стороны это выглядит как угодно. Но тут в дверях неожиданно появился Гиллспи. Тиббс взглянул на него со спокойным вопросом в глазах.

– Если тебе хочется, можешь идти, – сказал Гиллспи, глядя на Тиббса. – Но поезд ты уже пропустил, и другого не будет до двенадцати. А хочешь, подожди здесь, посмотрим, что можно устроить с завтраком.

– Благодарю, – согласился Тиббс.

Сэм решил, что это сигнал к окончанию его дежурства, и поднялся на ноги. Едва Гиллспи исчез за дверью, Сэм вышел и, миновав небольшой холл, скрылся в комнате с надписью: "Для белых". Ночной дежурный мыл руки. По како-

му-то неуловимому изгибу губ Сэм понял, что у того интересные новости.

– Пришел ответ, Пит? – спросил он.

Пит кивнул, ополоснул лицо и уткнулся в полотенце. Вынырнув оттуда, чтобы глотнуть воздуха, он ответил:

– Несколько минут назад шеф получил телеграмму. – На этом он приостановился, нагнулся и посмотрел, нет ли кого в кабинках. – Из Пасадены. Гиллспи послал туда запрос: "У нас произошло серьезное преступление. Запрашиваем информацию о Вирджиле Тиббсе, цветном, который выдает себя за служащего полицейского управления Пасадены. Задержан по подозрению в убийстве".

– Он должен был проверить, что тут скажешь, – рассудил Сэм.

– Подожди, сейчас ты услышишь, что он получил в ответ. – Пит понизил голос до того, что Сэму пришлось подойти на шаг ближе. – "Подтверждаем, что Вирджил Тиббс последние десять лет является служащим полицейского управления Пасадены. В настоящее время занимает должность следователя. Специалист по расследованию убийств и других серьезных преступлений. Репутация отличная. Рекомендуем воспользоваться его услугами. Особенно если случай серьезный".

– Ну и ну, – только и мог сказать Сэм.

– Вот именно, – согласился Пит. – Готов поспорить, Гиллспи ни черта не смыслит в расследовании убийств. А если он

ничего не раскроет, и притом быстро, весь город потребует его крови. Так вот, ему предлагают спеца, а тот и главный подозреваемый, и чер...

Сэм предупреждающе поднял руку, и Пит умолк. Шаги удалились по коридору и растворились в тишине.

– Что бы я хотел знать, – произнес Сэм, – так это почему Гиллспи получил свое место, коли он такой твердолобый дурак? Наверное, он считался парнем не промах у себя в Техасе?

Пит потряс головой:

– Он никогда не служил в полиции – рост выше нормы. Он работал в кутузке: здоровенный малый и лапы у него как раз, чтобы управляться с пьяницами. Там он прокоптил три года, а потом отозвался на наше объявление и получил должность. Наверное, он рассчитывает, что эта работа даст шанс продвинуться. Но стоит ему сейчас поскользнуться – и он человек конченный, он это и сам знает.

– Где ты собрал эти сведения?

Пит сжал губы и усмехнулся:

– Я слишком давно в полиции, и у меня хватает дружков и здесь и там. Я считаю, надо немного подождать и присмотреться. С сегодняшнего числа перехожу на дневное дежурство, так будет удобнее наблюдать за происходящим. Как, по-твоему?

– Пожалуй, ты прав, – согласился Сэм.

Десять минут спустя в полицию привезли тело маэстро

Энрико Мантоли. Держать его дольше клиника отказалась. Когда Пит вошел в кабинет Гиллспи, чтобы самому преподнести шефу эту новость, он застал его в позе глубокой задумчивости – руки заложены за пояс брюк, а мысли витают где-то за много миль. Пит подождал, когда его заметят, сообщил о случившемся и быстро ретировался подобру-поздорову. Через несколько секунд Гиллспи показался в дверях кабинета, прошествовал по коридору и остановился в дверях предварилки.

Пристальным взглядом он уставился на Тиббса, который сидел, углубившись в книжку. Заметив Гиллспи, тот поднял глаза и ждал, что же скажет верзила.

– Там, в Пасадене, говорят, будто ты специалист по расследованию убийств? – ворчливо спросил Гиллспи.

– Да, это верно, – ответил Тиббс.

– И тебе приходилось видеть трупы? – В этот вопрос Гиллспи подмешал иронии.

– Чаще, чем хотелось бы.

– Я собираюсь взглянуть сейчас на один... Можешь пойти со мной, если хочешь.

Тиббс поднялся на ноги.

– После вас, сэр, – любезно произнес он.

В маленьком морге никого особенно не удивило, когда

вслед за подпирающим потолок Гиллспи показался молчаливый Вирджил Тиббс. Полицейский морг с единственным анатомическим столом посередине и полудюжиной мрачных, встроенных в стену ящиков, похожих на солидную картотеку, выглядел весьма скромно. Здесь стоял еще и обычный стол с приставленным к нему стулом и тут же шкафчик, наполовину заполненный инструментами. Шеф бестрепетно приблизился к прозекторскому столу, наклонился над ним и пристально посмотрел на тело. Потом – раз и другой – обошел вокруг... Осторожно согнул руку трупа в локте и вернул ее в прежнее положение... Наконец опустил на корточки и всмотрелся в затылок – область рокового удара. Затем вновь выпрямился. Выбросив руку почти обвиняющим жестом, он произнес:

– Это Вирджил, следователь по особо важным делам из Пасадены. Он хочет взглянуть на тело. Пусть посмотрит.

Закончив свое сообщение, Гиллспи прошествовал в туалет ополоснуть руки.

Смыв ощущение грязи от прикосновения к мертвому телу, Билл Гиллспи сразу же вспомнил о завтраке. С мыслью о сне он уже совсем распрощался. Возвращаться домой и бриться тоже не было смысла – в теперешних обстоятельствах не стоило слишком хорошо выглядеть, и тот факт, что у него имеются видимые признаки бессонных трудов, мог быть ему на руку. Он решил выйти и подкрепиться.

Он пересек служебное помещение, вышел к стоянке, кое-

как втиснулся за руль и развернулся настолько стремительно, что машину занесло. Через шесть минут Гиллспи въехал на стоянку возле ночной закусочной и привел в трепет юного служителя уже одним своим видом, с каким взгромоздился на стул у стойки.

– Завтрак "по-деревенски", – скомандовал он.

Бармен поспешно кивнул и сразу же кинулся подавать булочку, яйца, бекон, поджаренные хлебцы и кофе, что и должно было составить завтрак "по-деревенски". Стараясь получить лучше услугу, он ненароком разбил два яйца, выбросил и взял пару других. На сей раз вышло удачнее. Тем временем Гиллспи пил кофе, Ральф только успевал наполнять его чашку. Когда верзила наконец покончил с едой и удалился, не оставив на чай, парень почувствовал внезапную жажду и едва донес до рта стакан – так у него тряслись руки. Гиллспи не произнес ни слова сверх того, что заказал завтрак, но складки над его бровями выдавали сосредоточенность на какой-то мысли, которая явно не нравилась шерифу.

На обратном пути в полицию Гиллспи ехал медленнее. Солнце уже поднялось, и по шоссе время от времени проносились автомобили. Осторожность Гиллспи была продиктована отчасти нежеланием пренебрегать правилами движения, которые он, вступая в должность, торжественно поклялся соблюдать, а в основном – необходимостью обдумать ситуацию.

"Как взяться за розыск убийцы?" – спрашивал он себя.

Обычно начинают с выяснения, кому покойный был поперек горла, но здесь-то ведь речь идет о простом ограблении. В морге Гиллспи уяснил две вещи: бумажник мертвого бесследно исчез, а Мантоли, как говорили, носил при себе солидные суммы. Ну хорошо, а как же теперь найти человека, который нанес покойному смертельный удар по голове и смылся глухой ночью, без всяких свидетелей? Как найти человека, которому нужно денег больше, чем ему полагается, и как напасть на след этих денег, если нет номеров серий и вообще не единой зацепки, кроме факта их существования? Если бы посреди шоссе шла какая-нибудь "нейтральная полоса", на которой могли остаться отпечатки следов или рисунков шин, а то ведь и этого не было. Что же, черт возьми, прикажете делать?

Ну, можно привлечь на помощь какого-нибудь эксперта по убийствам. А если тут под рукой всего один, да и тот с черной кожей? Гиллспи неожиданно повернул машину – он отказался от намерения не заезжать домой.

Не принимая душа, он протер дезодорантом подмышки, побрился, причесался и по улицам, на которых царило утреннее оживление, поехал к зданию полиции. В пути Гиллспи все же успел принять одно решение: он выставит Тиббса как можно скорее. Рекомендую его, парни из Пасадены попросту валяли дурака – никто не докажет Гиллспи, будто цветной способен на что-то, чего он сам не сумеет сделать.

Почерпнув в этой идее новые силы, Гиллспи через две

ступеньки взбежал по лестнице и приостановился у барьера в дежурке.

– Где Тиббс?

Дневной дежурный, которому конечно же все было прекрасно известно, ответил:

– Мне кажется, сэръ, он все еще осматривает тело.

– Все еще осматривает! – взорвался Гиллспи. – Какого черта ему там нужно, долго ли выяснить, отчего умер человек, которого так хватили по голове, что разнесли череп?

– Я заглянул туда на минутку, прежде чем заступить, – ответил дежурный. – Он собирал грязь, которая осталась под ногтями у убитого. Он спросил, нет ли у нас микроскопа, и я сказал, что такого не числится. Потом он снял кольцо у мертвого с пальца и стал разглядывать инициалы внутри. Тут я вышел, мне было пора на дежурство.

Подойдя к кабинету, Гиллспи увидел Сэма Вуда.

– Я подумал, лучше уж доложусь вам, прежде чем идти домой, – объяснил Сэм, – на случай, если от меня потребуются какие-нибудь сведения или понадобится остаться на дежурстве.

На секунду Гиллспи позволил себе держаться по-человечески.

– Это очень любезно с вашей стороны, Вуд, – искренне произнес он. – Присядьте и скажите, что вы думаете о нашем цветном приятеле – полицейском Вирджиле Тиббсе.

Сэм уселся.

– По-моему, он толковый, – ответил он, глядя на шефа. Затем, будто это заявление показалось ему чересчур сильным, изменил тон. – Во всяком случае, он не боится иметь дело с трупами.

– Мне показалось, он обмолвился, что ему не по душе эти осмотры, – вставил Гиллспи.

– Я понял это в том смысле, что ему не по душе, когда убивают людей.

– По-моему, на этом и держится его работа.

Беседа была прервана – в дверях появился Вирджил Тиббс.

– Прошу прощения, джентльмены, – произнес он, – но не скажете ли вы, где я могу умыться?

Гиллспи отозвался незамедлительно:

– Комната для цветных – через холл направо.

Тиббс кивнул и исчез.

– Там нет ни мыла, ни полотенца, – напомнил Сэм.

– Обойдется рубашкой, – огрызнулся Гиллспи.

Сэм на мгновение напрягся, перекинул ногу на ногу и опять расслабился. Это не его дело. Он хотел было уйти и даже привстал, но вспомнил, что сам предложил остаться и еще не получил ответа. Он посмотрел на Гиллспи, а тот уставился на свои огромные руки, сложенные на столе. Лицо его стали затягивать грозовые тучи. Затем он поднял глаза.

– Пожалуй, тебе стоит сесть в машину и попробовать раз-
узнать, где остановилась дочка этого Мантоли. Я слышал,

она гостит у Эндикоттов. Надо сообщить ей, что произошло, и доставить сюда для официального опознания трупа. Понимаю, это будет нелегко, но такая уж у нас работа. И лучше отправляйся прямо сейчас, если хочешь застать ее, пока она не услышала от других. Мы-то не болтали, но в таком городке попробуй что-нибудь удержать в секрете.

В раскрытых дверях вновь появился Вирджил Тиббс и вопросительно посмотрел на Гиллспи.

– Вас интересуют результаты осмотра, сэр? – осведомился он.

Гиллспи слегка откинулся в своем кресле – при таком весе он не мог себе позволить большего, не рискуя опрокинуться.

– Я тут все обдумал, Вирджил, и решил, что самое для тебя лучшее – это уехать следующим же поездом. Здесь тебе не место. А про тело я знаю все, что мне нужно. Когда вернешься домой, передай своему начальнику, что я очень ему признателен за предложение воспользоваться твоими услугами, но это совершенно невозможно, и ты сам понимаешь почему.

Гиллспи принял прежнюю позу.

– Да, чуть не забыл, – добавил он. – У меня тут подготовлен документ, что мы не несем ответственность за твой арест, как выяснилось, не совсем законный. Я хочу, чтобы ты подписал его, прежде чем уехать.

– Скажу вам как полицейский полицейскому, – ровно произнес Тиббс, – что я и не собираюсь возбуждать дело о

незаконном аресте ни против вас, ни против мистера Вуда. Оправдательный документ вам не понадобится. Спасибо за гостеприимство.

Вдруг чья-то рука отстранила Тиббса, и в дверях появился Пит с горящим от возбуждения лицом.

– Мы взяли его, шеф, намертво взяли. Это Харви Оберст. Он и раньше нам попадался. Ребята задержали его с бумажником Мантоли.

Гиллспи посмотрел на Тиббса, который все еще стоял у дверного косяка:

– Вот я и говорю, Вирджил, мы тут сами с усами. Так что можешь отправляться.

Глава 4

Билл Гиллспи перевел взгляд на Сэма.

– Ты что-нибудь ел? – спросил он.

– Только ночью, – отозвался Сэм.

– Тогда оставайся и пожуй. Пусть за дочкой Мантоли съездит Арнольд.

– Ничего, я и сам съезжу. Арнольд, наверное, не знает, как добраться до Эндикоттов, а я в курсе. Кстати, насчет еды, мы ведь предложили Вирджилу позавтракать, прямо-таки пообещали, сэр.

– Я уже сказал, чтобы он выкатывался.

Сэм Вуд почувствовал, что можно пойти немного дальше.

– Это так, сэр, но ближайший поезд будет только через несколько часов, а автобус на север всего один, да и тот не берет цветных. Ведь он пропустил поезд из-за меня. И потом, он все-таки полицейский, может, стоит разрешить ему подождать здесь, – Сэм на секунду умолк и продолжал дальше, словно его только что осенило:

– По крайней мере он хорошо отзовется о нас у себя в Пасадене.

Гиллспи воспринял эту дипломатию как неизбежное зло.

– Ну ладно. Только тут нет закусовых для цветных. Задержи Вирджила, пока он не ушел, и верни ко мне, а Пит пусть принесет сандвич с копченой колбасой или что там су-

меет подцепить. Похоже, это мысль – дать ему поглядеть, как мы стреножим этого типа, показать, что мы и сами можем управиться.

Сэм кивнул и поспешно ретировался, пока Гиллспи не изменил своего решения. Тиббса он нашел в дежурке, тот прощался с Питом.

– Вирджил, шеф только что вспомнил, что обещал тебе завтрак, – сообщил Сэм. – Он сказал, чтобы ты вернулся в кабинет. – Сэм мгновение боролся с собой и был рад, когда справедливость победила в его душе. – И спасибо, что не стал подлавливать меня на крючок за незаконный арест. Ты мог бы оказаться и не таким сговорчивым.

Вирджил Тиббс протянул было руку, но, к огромному облегчению Сэма, вовремя остановился и сделал вид, будто перекладывает пиджак.

– Не стоит благодарности, мистер Вуд. Уверен, вы поступили бы точно так же, если бы это произошло в Пасадене.

На секунду Сэма охватил стыд за то, что он был готов отвернуться, если бы Тиббс протянул руку. Ведь здесь присутствовал Пит и все такое. Но Тиббс выручил его, и Сэм испытывал к нему благодарность. Он вышел из здания и отправился выполнять свое малоприятное поручение.

Тиббс вернулся по коридору к кабинету Гиллспи.

– Мистер Вуд передал мне, что вы хотели меня видеть, – сказал он.

Гиллспи показал на стул возле стены:

– Я сказал, чтобы тебе принесли завтрак. Можешь подождать тут. У ребят сейчас хватает забот. Мы поймали убийцу.

– Он подписал признание? – осведомился Тиббс.

– Это никому не нужно, – отпарировал Гиллспи. – Я просмотрел его дело. Всего девятнадцать лет, а уже два привода. Один за мелкую кражу, другой за то, что приставал к девушке по имени Делорес Парди. А потом, у него оказался бумажник Мантоли.

– Похоже, что начало хорошее, – согласился Вирджил Тиббс.

– Вот сейчас и посмотрим, какое это начало, – заявил Гиллспи и потянулся к селектору. – Приведите Оберста, – приказал он.

Пока они ждали, Гиллспи бросил быстрый взгляд в сторону Тиббса.

– Тебе известно, что такое "белое отребье", Вирджил? – спросил он.

– Я слышал это выражение, – ответил Тиббс.

В коридоре зазвучали шаги, и плотный приземистый полицейский втокнул в кабинет юношу, почти подростка. Арестант был в наручниках. Он казался слишком худым даже для своего невысокого роста. Угловатые коленки выступали резко и неуклюже, туго обтянутые голубыми бумажными брюками. Он то и дело мигал, поводя глазами вокруг, а потом кидал взгляд на скованные запястья, на Гиллспи и

опять на свои руки. Казалось, Оберста качает и ему приходится прилагать героические усилия, чтобы сохранить равновесие.

Гиллспи выпрямился и рявкнул:

– Сесть!

Харви Оберст просто-напросто перестал удерживать свое тело и плюхнулся на стул. Его тощий зад с глухим стуком ударился о жесткое сиденье, но Оберст, казалось, ничего не почувствовал. Он уронил руки на колени и, словно теперь не осталось смысла держать голову прямо, позволил ей упасть набок.

Проходили секунды, а Гиллспи все тянул, выжидая, когда арестованный до смерти перепугается. Однако по Оберсту нельзя было заметить, чтобы это на него подействовало.

Гиллспи перевел взгляд на полицейского.

– А остальное при тебе? – спросил он.

Приземистый полисмен полез во внутренний карман и извлек тисненый бумажник. Гиллспи завладел им, внимательно осмотрел сверху, а затем влез внутрь и изучил содержимое.

– Можно снять браслеты, – сказал он почти по-домашнему.

Освобожденный от наручников, Харви Оберст тут же принялся растирать руки, сперва одно запястье, потом другое, но не произнес ни слова.

– Зачем ты это сделал? – спросил Гиллспи.

Оберст приподнял голову и набрал воздуха.

– Потому что он лежал там, и все. Прямо на виду. Набитый деньгами. Я видел: он мертвый и они ему не нужны. А он просто валяется. Не я, так кто-нибудь другой взял бы. А мне они были очень кстати. Я и взял. – Он помолчал и добавил примирительным тоном:

– Вот и все.

– Ну да, только сначала ты его убил, – подсказал Гиллспи. Арестованный вскочил на ноги, словно его внезапно пронзила острая, нестерпимая боль.

– Я взял бумажник! – закричал он с искаженным лицом. – Взял, потому что тот тип все равно был уже мертвый. Мне были нужны деньги, очень! Но я не убивал! – На последних словах голос у него сорвался, и он прохрипел конец фразы, лишив ее силы убеждения.

Тогда Оберст сделал новую попытку. Указательным пальцем левой руки он постучал себя в грудь.

– Я не убивал и не стал бы убивать его, если бы даже собирался ограбить. Он и вправду был хорошим малым – я знал его раньше. А если бы мне было нужно, я бы запросто справился с ним и так, без всякого убийства. Говорю вам, я только подобрал бумажник! – Вдруг он умолк и снова упал на стул. Теперь голова Оберста наклонилась вперед, пока подбородок не уткнулся в грудь.

Билл Гиллспи взмахнул рукой, давая знать, что разговор окончен.

– Зарегистрируйте его, – приказал он. – Подозрение в убийстве.

Шеф откинулся в своем кресле, насколько хватило риска, и уставился в потолок. Он не опускал глаз, пока арестованного не увели.

Когда несколько мгновений спустя донесся лязг захлопнувшейся двери, Гиллспи заметно расслабился и перевел взгляд на Вирджила Тиббса, спокойно сидевшего в стороне на неудобном стуле.

– Ну, с этим ясно, – заметил он.

– Да, это очень поможет следствию, – согласился Тиббс.

– То есть как "поможет"? – спросил Гиллспи, разнообразия ради почти нормальным тоном.

– Это исключает поверхностные мотивы, скажем обыкновенный грабеж, – объяснил Тиббс. – Выходит, надо копать поглубже. Я так и думал, но увидеть прямое подтверждение – просто удача.

Гиллспи повернулся к Тиббсу, насмешливая улыбка озарила его лицо.

– Не рассказывай, будто ты поверил в эту детскую историю. А я-то думал, ты малый не промах, Шерлок Холмс с Побережья, охотник за головами. Ну, если уж ты сыщик, то я – китайский император.

В дверях появился Арнольд, в одной руке он нес сэндвичи, завернутые в пергамент, в другой – бумажный стакан с кофе. Ни слова не говоря, он протянул все Тиббсу и затем

повернулся к шефу.

– Ну что, это точно Оберст? – спросил он.

Гиллспи махнул рукой в сторону Тиббса, который разворачивал сэндвичи.

– Спроси у него, – предложил он.

Арнольд послушно поглядел на Тиббса.

– Ну? – спросил он.

– Оберст не виновен в убийстве, я почти уверен в этом, – ответил Тиббс.

– Теперь объясни почему, – подбодрил Гиллспи.

– Потому что он левша, – сказал Тиббс и откусил от сэндвича.

Арнольд возрился на Гиллспи.

– А дальше? – спросил тот.

Тиббс, занятый едой, ответил не сразу.

– Когда сегодня утром я осматривал тело, – терпеливо начал он, – выяснилось, что смертельный удар был нанесен по затылку справа под углом в семнадцать градусов каким-то тупым орудием. Это почти неопровержимо доказывает, что нападавший не был левшой. Если вы, мистер Гиллспи, возьмете на минутку вашу линейку, я объясню вам, в чем суть.

К величайшему изумлению Арнольда, Гиллспи покорно повиновался.

– Теперь вообразите, будто вы хотите ударить кого-то, кто вам по плечо или даже немного повыше. Сожмите линейку покрепче, и вы убедитесь, что прямо держать ее почти невоз-

можно – анатомия запястья этого не позволит. Чтобы ударить справа, вам придется вывернуть руку ладонью вверх. А для того чтобы опустить линейку прямо перед собой, вы должны развернуть запястье на девяносто градусов.

Гиллспи поглядел на линейку в своей руке, а потом положил на стол.

– А ты думаешь, Оберст левша? – спросил он.

– Я в этом уверен, – ответил негр. – Вспомните, как он постучал пальцем в грудь, когда пытался выгородить себя. Даже в том случае, если он одинаково владеет правой и левой, он бы прибегнул к помощи сильнейшей руки, а ведь Оберст постучал себя левым указательным пальцем. Я подумал, что он не виновен, едва он вошел, ну а это убедило меня окончательно. – Тиббс вновь откусил от сэндвича и запил глотком густого черного кофе.

– Да, я совсем забыл о сахаре, – сказал Арнольд.

– Все и так чудесно, спасибо, – ответил Тиббс.

– Ты только взглянул на этого малого и уже решил, что, пожалуй, он не виновен. В чем тут суть, в интуиции? – спросил Гиллспи.

– Нет, в его ботинках, – ответил Тиббс, – и в том, что он был небрит.

Гиллспи погрузился в молчание. Для Арнольда это было неожиданно: он думал, начальник спросит, при чем здесь бритье и ботинки. Потом он понял: Гиллспи не станет спрашивать – это было бы уступкой. А Билл Гиллспи не очень-

то любил уступать. Арнольд откашлялся.

Он выждал, когда Тиббс прожует, и спросил сам:

– А почему?

– Вспомните, как произошло нападение, – ответил Тиббс. – Мантоли ударили сзади по голове. Значит, либо на него напал кто-то знакомый, которому он доверял, – улучил момент, отступил на шаг и ударил, либо, что более вероятно, к нему кто-то подкрался, да так тихо, что Мантоли не почувствовал опасности. Если бы его что-то насторожило, хоть на мгновение, он бы повернул голову и удар пришелся бы под другим углом.

– Понятно, – сказал Арнольд.

– А у Оберста жесткие кожаные каблуки, – продолжал Тиббс, – да еще со стальными подковками, чтобы поменьше снашивались. В таких ботинках слышен каждый шаг, и ему было бы трудно напасть неожиданно.

– Он мог сто раз переобуться, – перебил Гиллспи.

– Конечно, вы правы, мистер Гиллспи, – согласился Тиббс, – но вы тут сами упомянули, что этот человек из "белого отребья", а значит, обуви у него не очень-то густо. И, судя по щетине на его подбородке, я бы предположил, что он провел всю ночь где-то вне дома. Если бы он зашел переменить обувь, он бы, пожалуй, и побрился. Это в его привычках – я сужу по порезу от бритвы под самым подбородком.

– Я этого не заметил, – с вызовом сказал Гиллспи.

– Отсюда удобней смотреть, мистер Гиллспи, – ответил

Тиббс, – и пониже, и света гораздо больше.

– Ты так уверен в себе, а, Вирджил? – поддел Гиллспи. – Кстати, Вирджил – довольно затейливое имя для черномазого вроде тебя. Небось там, откуда ты приехал, тебя зовут по-другому?

– Там меня зовут мистер Тиббс, – ответил Вирджил.

Сэм Вуд медленно вел патрульную машину по дороге, поднимавшейся к дому Эндикоттов. Хотя солнце уже пекло, жара казалась куда более сносной, скорее всего потому, что к дневному пеклу он давно уже внутренне подготовился. Гораздо больше Сэм страдал от жары ночью, когда солнце как-никак скрывалось и темнота вроде бы должна была приносить облегчение. Вот эти-то обманутые ожидания и заставляли его испытывать двойные мучения. Дорога поднималась равномерно. Город был уже где-то далеко внизу, но до самой вершины, где стоял дом Эндикоттов, надо было еще ехать и ехать. Сэм знал дорогу, как почти каждый в Уэллсе, поскольку Эндикотты считались местными богачами, но не был знаком с ними и не бывал у них в доме. Сидя за рулем, он старался составить фразы, в которых сообщит о случившемся. Это будет вовсе не просто. Почему-то ему представилось, что у гости Эндикоттов, дочери Мантоли, нет матери. Теперь она осталась совсем одна, если, конечно, еще не

замужем. Наверное, давно успела выскочить, решил он, итальянки рано выходят замуж, заводят кучу детей, и глядишь, уже растолстели.

Наконец дорога достигла вершины и закончилась небольшой стоянкой, рассчитанной, как Сэм быстро прикинул, на шесть, от силы восемь автомобилей. Он аккуратно поставил машину и, ступив на землю, осторожно закрыл дверцу. Солнечные лучи казались здесь еще более яркими, но воздух, подумал он, все же попрохладней. Это было великолепное место. Несмотря на ответственность своей миссии, Сэм не смог удержаться от волнения при виде широкой панорамы Скалистых гор. Бесконечные вершины вздымали свои зазубренные пики до самого горизонта. Сэм направился к парадной двери, открывшейся прежде, чем он успел позвонить.

Его встретила женщина, которая сразу понравилась Сэму: с выражением гостеприимства и сдержанности на лице она ждала, когда он сообщит о своем деле. Ей было далеко за пятьдесят, но годы отнесли к ее внешности с большой бережливостью. Спокойное, изящное полотняное платье создавало общую линию, считавшуюся модной лет тридцать назад, а красиво подстриженные и уложенные волосы обрамляли лицо, на котором не было заметных морщин. Она терпеливо ждала, когда Сэм подойдет к порогу.

– Миссис Эндикотт? – осведомился он, внезапно почувствовав, насколько зарос его подбородок за последние восемнадцать часов.

– Да, чем могу служить, сэр?

Сэм принял моментальное решение:

– Мне хотелось бы видеть мистера Эндикотта.

Грейс Эндикотт отступила на шаг и придержала дверь.

– Входите, – пригласила она. – Я его позову.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Сэм вошел в дом и последовал за хозяйкой в просторную светлую гостиную, левая стена которой была почти сплошь из стекла. Противоположную стену снизу доверху закрывали длинные полки, уставленные книгами и пластинками, – это было самое большое собрание, которое Сэм когда-либо видел.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – пригласила миссис Эндикотт и тут же вышла из комнаты. Сэм поглядел на глубокие, удобные с виду кресла и решил остаться на ногах. Он сказал себе, что все дело займет минут десять или того меньше, а там уж можно будет вернуться к машине и отправиться восвояси.

Вошел хозяин, и Сэм обернулся ему навстречу. Возраст Эндикотта был более заметен, чем у его жены, но он нес свои годы со спокойным достоинством. Это было трудно объяснить, но между ним и его домом существовало неуловимое сходство. Они были пригнаны друг к другу, как корабли и их капитаны. Пока хозяин не заговорил, Сэм успел подумать, что было бы хорошо, если бы его положение в обществе позволяло ему иметь таких вот друзей. Затем он вспомнил, что его сюда привело.

– Если не ошибаюсь, вы хотели со мной поговорить, – вступил в разговор Эндикотт.

– Да, сэр. Если не ошибаюсь, вы знакомы с мистером Мантоли? – Сэм знал, что это не слишком удачное начало, но отступить было уже поздно.

– Мы знакомы с ним очень близко. Надеюсь, он не попал в какую-нибудь неприятную историю?

Стесняясь в душе, что не сделал этого раньше, Сэм поднял руку и снял форменную фуражку.

– И да и нет, мистер Эндикотт. – Сэм покраснел. Теперь уже ничего не оставалось, как выложить правду. – Мне очень жаль, но я должен сообщить вам, что его убили.

Эндикотт оперся было о спинку кресла, потом медленно осел на сиденье; глаза его сошлись в какой-то далекой, невидимой точке.

– Энрико мертв. Невероятно.

Сэм неловко стоял и ждал, пока Эндикотт придет в себя.

– Это ужасно, – наконец произнес Эндикотт. – Он был самым близким и дорогим нашим другом. Сейчас у нас гостит его дочь. Я...

В глубине души Сэм проклял тот день, когда бросил гараж и пошел служить в полицию. Эндикотт повернулся к нему.

– Как произошел несчастный случай? – спросил он едва слышно.

На сей раз Сэм нашел более уместные слова.

– К несчастью, сэр, это не случай. На мистера Мантоли на-

пали ранним утром, почти в самом центре города. Нам еще не известно, кто и как это сделал. Я обнаружил тело около четырех утра. – Сэму хотелось что-нибудь добавить. – Очень сожалею, что вынужден сообщить вам такие новости, – сказал он, пытаясь хоть как-то смягчить удар, который обрушился на сидящего перед ним человека.

– Вы хотите сказать, – осторожно подбирая слова, спросил Эндикотт, – что его убили намеренно?

Сэм молча кивнул, благодарный, что это произнесли за него. Эндикотт поднялся.

– Пожалуй, мне лучше сперва сообщить об этом жене, – сказал он. Сэму показалось, что человек перед ним внезапно почувствовал странную усталость: это было не утомление одного-единственного дня, а то изнеможение, которое въедается в кости и не проходит, словно болезнь.

– Присядьте, пожалуйста, – сказал Эндикотт и медленно вышел из своей красивой, эффектной гостиной; с его уходом Сэму показалось, будто она опустела.

Сэм разрешил себе присесть и опустился на краешек одного из глубоких удобных кресел. Теперь он то ли сидел на корточках, то ли стоял в неудобной согнутой позе, но это положение как нельзя больше соответствовало его душевному состоянию. Сэм попытался выкинуть из головы ту сцену, которая должна происходить сейчас в другой части дома. Он заставлял себя вглядываться в открывшуюся за стеклянной стеной величественную панораму, на которой лежал отблеск

вечности.

Эндикотт вернулся в гостиную.

– Может быть, в подобных случаях необходимо что-нибудь такое... для чего потребуется моя помощь? – спросил он.

Сэм поднялся на ноги:

– Да, сэр. Мне... То есть нам известно, что дочь мистера Мантоли находится в этом доме, и, наверное, ее следует известить. Позже, когда она почувствует себя в силах сделать это, нам бы хотелось, чтобы она приехала официально опознать тело.

На какую-то секунду Эндикотт заколебался.

– Мисс Мантоли здесь. Но она еще отдыхает. Вчера вечером мы засиделись, обсуждая последние планы насчет музыкального фестиваля. – Он провел рукой по лбу. – Когда мисс Мантоли проснется, моя жена сообщит ей о случившемся. А кстати, разве есть какая-нибудь причина, из-за которой я не могу опознать тело? Мне бы хотелось избавить ее от этого. Это возможно?

– По-моему, вполне, – ответил Сэм. Он старался говорить очень сочувственно, но ему казалось, что звуки слетают у него с языка совсем не такими, как было бы нужно. – Можете поехать сейчас со мной, если хотите. Вас доставят обратно на полицейской машине.

– Хорошо, – согласился Эндикотт. – С вашего разрешения, я только предупрежу жену.

На обратном пути в город, каждую секунду ощущая рядом с собой присутствие Эндикотта, Сэм не сводил глаз с извилистой дороги и старался вести машину очень плавно и ровно. С такой же сверхосторожностью он подъехал к зданию муниципалитета с той стороны, где был вход в полицию, высадил своего пассажира, затем, все время держась на шаг сзади, последовал за ним по лестнице и дальше, через проходную, к столу дежурного.

Он уже собирался было попрощаться и получить разрешение отправиться домой, но, когда Эндикотт, предводимый Арнольдом, повернулся, чтобы идти в морг, Сэм передумал и пошел рядом со стариком в надежде, что это хоть как-то его поддержит. Когда отдернули простыню и Эндикотт горестно склонил голову, Сэму стало совсем не по себе.

– Удостоверяю, что это тело маэстро Энрико Мантоли, – произнес Эндикотт и, исполнив свой долг, поспешно повернул к выходу. У стола дежурного он остановился. – Нельзя ли мне повидать начальника полиции? – спросил он.

Фрэд повернулся к селектору. Секунду спустя он кивнул, и Сэм, уловив, что от него требуется, показал дорогу.

– Мистер Эндикотт... мистер Гиллспи, – представил он, когда они вошли в кабинет.

Эндикотт протянул руку.

– Мы знакомы, – сказал он просто. – Я ведь член городского совета.

Гиллспи встал и торопливо вышел из-за стола.

– Конечно, конечно, мистер Эндикотт. Большое спасибо за то, что вы приехали. – Он было направился обратно к своему креслу, но потом повернулся:

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил он.

Джордж Эндикотт осторожно опустился на жесткий дубовый стул.

– Мистер Гиллспи, – начал он, – я убежден, что вы и ваши сотрудники сделаете все возможное, чтобы найти и наказать того, кто это совершил. Если вам в чем-то понадобится моя помощь, я прошу вас тут же звонить мне. Маэстро Мантоли был очень близким другом моей семьи, он и приехал сюда по нашему приглашению. Так что в какой-то степени мы виноваты в случившемся. Надеюсь, вы понимаете, что я сейчас переживаю.

Гиллспи достал блокнот и взял ручку с письменного прибора.

– Быть может, вы не откажетесь дать мне кое-какие сведения? – начал он. – Сколько лет было покойному?

– Энрико исполнилось сорок семь.

– Женат?

– Вдовец.

– Ближайшие родственники?

– Дочь Дьюна, его единственный ребенок. Сейчас она гостит у нас.

– Гражданство?

– Он гражданин Соединенных Штатов.

Гиллспи слегка нахмурился, затем его лицо прояснилось.

– Место рождения? – спросил он.

Эндикотт заколебался.

– Где-то в Италии. Не могу точно припомнить.

– Генуя, я полагаю, – тихо уточнил Вирджил Тиббс.

Оба повернулись и посмотрели на него. Первым заговорил Эндикотт.

– Маэстро Мантоли был вашим другом? – спросил он.

– Нет, я никогда не имел чести быть с ним знакомым, но по предложению мистера Гиллспи сегодня утром я осматривал тело.

Эндикотт, казалось, несколько растерялся.

– Вы... из похоронного бюро? – предположил он.

Тиббс отрицательно качнул головой. Ответить он не успел – в разговор вмешался Гиллспи:

– Это Вирджил, он следователь из Беверли-Хиллс, в Калифорнии.

– Из Пасадены, – уточнил Тиббс.

– Ну хорошо, из Пасадены. Какая разница? – В голосе Гиллспи прорвалось раздражение.

Джордж Эндикотт встал.

– Простите, я не расслышал вашей фамилии, – сказал он и протянул руку. Молодой негр поднялся и пожал ее.

– Тиббс, – представился он.

– Очень рад познакомиться с вами, мистер Тиббс, – произнес Эндикотт. – Какого рода случаи вы расследуете?

– Совершенно различные, сэр. Я занимался наркотиками, дорожными происшествиями и кражами со взломом, но в основном я специалист по преступлениям против личности – убийствам, изнасилованиям и подобным крупным правонарушениям.

Эндикотт повернулся к Гиллспи.

– Интересно, как получилось, что мистер Тиббс оказался здесь? – спросил он.

Сэм Вуд заметил выражение, которое начинало проступать на лице Гиллспи, и понял: дело за ним.

– Это из-за меня, – сказал он. – Вирджил ждал поезда, а я задержал его и доставил как подозрительного. Его личность была установлена позднее.

– Полисмен Вуд действовал очень решительно, – добавил Тиббс, – он не оставил возможному убийце ни одного шанса на побег.

И тут впервые в жизни Сэм Вуд почувствовал, что ему нравится чернокожий.

Эндикотт вновь обратился к детективу из Пасадены.

– И надолго вы собираетесь задержаться в Уэллсе? – спросил он.

– До ближайшего поезда, – ответил Тиббс.

– А когда он прибудет?

– Если не ошибаюсь, в пятнадцать сорок.

Эндикотт наклонил голову в знак того, что он удовлетворен. Гиллспи смущенно заерзал в своем кресле. Сэм почув-

ствовал, что ему надо исчезнуть. Мало-помалу до него начало доходить, что его начальник попал в скверную историю и в какой-то степени он был тому причиной. Сэм откашлялся, стараясь обратить на себя внимание.

– Сэр, – сказал он Гиллспи, – если я больше не нужен, мне бы хотелось привести себя в порядок и немного отдохнуть.

Гиллспи поднял глаза.

– Можете идти, – сказал он.

Усевшись за руль своего "плимута", купленного четыре года назад, Сэм Вуд подумал о том, что отношения между Биллом Гиллспи и чернокожим сыщиком становятся явно напряженными. Он не задавался вопросом, кто выйдет победителем из этого столкновения, но его начинало все больше и больше тревожить, что он может оказаться втянутым в самую гущу событий, если дела пойдут плохо.

Все еще занятый этими рассуждениями, он остановил машину возле своего маленького домика, вошел в дверь, торопливо сбросил одежду и полез под душ. На секунду ему пришла мысль немного подкрепиться, но он тут же сказал себе, что ничуть не голоден, и поскорее забрался в постель. Пижаму надевать не хотелось, он натянул на себя простыню и, несмотря на жару, духоту и тревогу, сразу же погрузился в сон.

Глава 5

Едва только Эндикотт отошел на приличное расстояние от дверей кабинета, Билл Гиллспи повернулся к Тиббсу.

– Какого черта, спрашивается, ты разеваешь свою черную пасть? – прорычал он. – Если мне понадобится, чтобы ты что-то сказал, я тебя попрошу. Пока ты не влез, опрос Эндикотта шел именно так, как мне было нужно. – Он сжал в кулак свою огромную руку и с силой потер о ладонь. – А теперь вот что: я хочу, чтобы ты немедленно убирался отсюда. Когда там придет следующий поезд, я не знаю и знать не желаю, – валяй на станцию и жди там. А как только он подойдет, неважно с какой стороны, прыгай в него, и точка. Отчаливай!

Вирджил Тиббс спокойно поднялся. В дверях кабинета он повернулся и посмотрел прямо в лицо здоровенному Гиллспи, который заполнял собой всю маленькую комнатку.

– Всего хорошего, сэр, – произнес он.

Уже на выходе его остановил дежурный:

– Вирджил, не ты утром оставил на вокзале коричневый фибровый чемодан? На нем еще инициалы В. Р. Т.?

Тиббс кивнул:

– Да, это мой. А где он?

– Его привезли сюда. Подожди пять минут, я закончу и принесу.

Ждать было довольно неприятно: выйдя из кабинета, Гиллспи мог увидеть, что он еще здесь, а Тиббсу этого не хотелось. Не то чтобы он боялся свирепого верзилы, но перспектива еще одного разговора казалась ему малопривлекательной. Тиббс оставался на ногах, вежливо давая понять, что не хочет здесь долго задерживаться.

Наконец через пять томительных минут дежурный возвратился с его чемоданом.

– Нельзя ли устроить, чтобы меня подбросили к станции? – спросил Тиббс.

– Узнай у шефа. Если он не против, так я и вовсе.

– Не надо, – коротко ответил Тиббс. Он поднял чемодан и пошел вниз по длинному ряду ступенек, которые вели на улицу.

Десять минут спустя в кабинете Гиллспи раздался телефонный звонок. Билла вызывали по линии, номер которой был известен лишь нескольким людям в городе. Он поднял трубку и коротко произнес:

– Гиллспи.

– Это Фрэнк Шуберт, Билл.

– Слушаю, Фрэнк. – Глава полиции сделал усилие, чтобы это прозвучало сердечно и искренне. Фрэнк Шуберт держал посудо-хозяйственный магазин и владел двумя заправочными станциями. А вдобавок к тому, он был мэром Уэллса и председателем небольшого комитета, который вершил судьбы города.

– Билл, от меня только что вышел Джордж Эндикотт.

– Да? – Голос Гиллспи поднялся почти до крика, и он тут же решил следить за собой повнимательней.

– Он приходил насчет цветного сыщика, которого откопал кто-то из твоих парней. И хотел, чтобы мы позвонили в Пасадену – узнать, нельзя ли одолжить его на несколько дней. Видишь ли, Джордж ужасно переживает смерть этого Мантоли.

– Да, вижу, – резко перебил Гиллспи. Он чувствовал, что с ним обращаются как с ребенком.

– Мы немедленно связались с Пасаденой, – продолжал Шуберт, – и Моррис, это их начальник полиции, сказал, что все в порядке.

Гиллспи тяжело перевел дыхание.

– Фрэнк, твоя помощь для меня очень много значит, но я только что избавился от этого малого и, честно говоря, не хочу, чтобы он возвращался. На моих парней я не жалуясь, да и у меня самого есть кое-какой опыт. Прости, что я говорю тебе это, но Эндикотт крупный специалист лезть в чужие дела.

– Я тоже это заметил, – согласился Шуберт, – и к тому же он с Севера, а там они думают совсем иначе, чем мы. Но все-таки мне кажется, ты кое-что недоучитываешь.

– Что именно? – спросил Гиллспи.

– Это даст тебе возможность полностью оставаться в стороне. Эндикотт хочет, чтобы привлекли его черномазого

приятеля. Ну и ладно, пусть так оно и будет. Предположим, он найдет того, кого вы ищете. Но он здесь никто, и ему придется передать все тебе. А если у него ничего не получится, ты все равно выйдешь сухим из воды, и каждый в городе будет на твоей стороне – вина целиком на нем. Так и так ты в выигрыше. А если откажешься от него и по каким-нибудь причинам не заарканишь убийцу достаточно быстро, Эндикотт сдерет с тебя скальп – ведь у него денег побольше, чем у любого другого в городе.

Гиллспи на миг прикусил нижнюю губу.

– Я только что вышиб его отсюда, – сказал он.

– Ну так верни, – посоветовал Шуберт. – В нем твое алиби. Будь с ним помягче, а там пусть хоть повесится. Если кто-нибудь упрекнет тебя, скажи, что действуешь по моим указаниям.

Гиллспи понял, что деваться некуда.

– Ладно, – неохотно произнес он и повесил трубку. Быстро поднявшись, он напомнил себе, что даже не знает, с чего начинать поиски преступника, и поэтому Вирджил Тиббс – действительно удачно подвернувшееся алиби, снимающее с его плеч всю ответственность за расследование. Хорошо бы в довершение ко всему подсунуть Тиббсу веревку, на которой он повесится, решил Гиллспи, сгибаясь в три погибели, чтобы сесть в автомобиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.